

ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНІЯ В ВДОМОЧІШ

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 39.

ОКТЯБРЯ 4-го.

4 8 3 2.

Содержание: Ученые справки.—Извлечение изъ отчета.—Стихотворение.—Частные объявления.—О прѣхавш. и выѣхавшихъ.—

УЧЕНЫЯ СПРАВКИ

по поводу нападокъ проф. Буслаева на мынія академика Дорна и проф. Костыря о происхождении и значеніи знаковъ: з—ъ въ языке русскомъ.

(Окончаніе.)

2) *Мыніе положительное высажу въ немногихъ словахъ (I чи. 40—45). Кирилловские грамматисты, соображая правописание съ словоизводствомъ, ставили з—ъ для того: 1) чтобы или указывать на коренные буквы: а, о, е и отдѣлять корень отъ грамматического окончанія, иногда поглощающаго оній. Доказательства: въ старину у насъ писали въ первовнослов. рукописяхъ: чѣто, которое составляется изъ чо (quod? польс. со, (ко) и то—мѣстоим. указательного, подобно тому, какъ и млр. съ-чо) (*); кѣто=состоящее изъ ко (ко-й, у за одерскихъ Славянъ ка-то) и то; мыніе, съй и проч. (см. въ Ист. рус.*

(* Т. е. се—(это)+чо (чио? quod?); въ русскомъ языке вмѣсто се или сокращенія его: съ употреблено мѣстоименіе указательное-же: то, а второе, вопросительное чо сокращено въ чъ и поставлено обратно тому, какъ въ малороссийскомъ языке т. е. на переди (чъ-то), тогда какъ въ послѣднемъ оно стоитъ назади: съ-чо.

слов. Максимовича и въ моей книгѣ); 2) чтобы облегчить читателю склоненіе именъ съ бѣглыми (выпадающими въ косвенныхъ падежахъ) буквами, писали: лвзъ, дынъ—дабы было извѣстно, что склоняютъ ихъ: лва, а не левъ—какъ бы иной склонялъ, прочитавъ въ именительномъ: лвзъ; съ другой стороны—писали: дни (а не дни), лвзы—дабы знали, что въ именит. въ нужно наполнить буквою: е; 3) чтобы пособить установленію грамматическихъ окончаній, вѣроятно, бывшихъ еще зыбкими въ книжномъ языке отъ неопределеннности: гдѣ стоять гласной и какой именно (о—у—ы)? и предоставить свободу разноплеменнымъ и областнымъ говорамъ, которыхъ никакая грамматика съ разу не передѣлаетъ на одинъ ладъ; если мы, люди книжные, здѣсь, въ Южной Руси, до сихъ поръ выговариваемъ твердо: добрый [какъ и пишемъ] вм. доброй [по грамматикѣ],—то какъ было сладить съ Чехомъ, Сербомъ, южнымъ, сѣвернымъ Руссомъ, изъ которыхъ каждый читалъ одну и ту же Библию, имѣя разный говоръ? Вмѣсто того, дабы пріурочивать ихъ говоры къ Библіи, наши книжные люди рѣшились предоставить это произволу читателей; они писали, напр., добрѣй; Полякъ прочтетъ: добгу [лобры], Южно-Руссъ добрый, Великоруссъ доброй; плькъ—В. Руссъ читалъ полкъ, Чехъ и теперь читаетъ: пльк, Полякъ пульк. Какъ исторический фактъ неоднообразнаго произношенія з—а въ срединѣ словъ, я указалъ на двоякій выговоръ на-

званія: *хърсъ, хърсъ* (Слово о полку Иг.)—*хорсъ и хросъ*, сославшись на авторитетъ нашего заслуженаго подвижника слав. филологіи Бодянскаго [Чт. въ общ. ист. и др. 1846. 2.]—и считаю мои догадки о ерахъ освященными этимъ авторитетомъ....

Вотъ мое собственное мнѣніе о томъ, что такое *до сихъ поръ ы—ы*, какъ звуки и какъ знакъ; не забудьте, что второе мнѣніе мое, въ которое, какъ вижу, г. Буслаевъ не вникнулъ, даже у г. Краевскаго, трактовавшаго мою книгу съ высоты своего критического трибунала, какъ книгу студента, еще невыучившаго писать по-русски (От. Зап. 1849. 2.)—вызывало какое то *великодушное* признаніе: „это мнѣніе показываетъ начитанность, тонкое соображеніе“ и еще что-то въ этомъ родѣ. Черезъ четыре года послѣ такого одобрительного, но все таки крайне непослѣдовательного и вовсе *неученаго* приговора журналиста, казалось, можно бы было

Въ моей книгѣ: § 9, стр. 48, 49-52.

....Выведеній законъ: „ы не можетъ стоять ни прель какою гласною въ срединѣ слова“; хорошо, но такихъ словъ во-все нѣтъ въ русскомъ языкѣ: за чѣмъ же говорить, что то или другое не можетъ быть въ языкѣ, когда оно не есть, никогда не бываетъ въ немъ?—„Вместо корабль, журавль „говорится: корабль, журавль....“ На этотъ законъ можно отвѣтить автору, что онъ хороши, но не полно: если авторъ отмѣтилъ встрѣчу двухъ ы-ей, то я удивляюсь, какъ упустилъ онъ изъ вида встрѣчу трехъ ы-ей.... Ежели журавль, корабль=журавль, корабль,—то журавлей, кораблей (ы, я, е=ы)=журавль, корабль....

профессору филологіи разобрать критически высказанныя мною мнѣнія, съ тѣмъ, чтобы принять ихъ или опровергнуть; а между тѣмъ, къ крайнему моему удивленію, мнѣ самовластно навязываютъ то, о чёмъ я и не думалъ. Такъ не должно быть въ наукѣ!—

Показавъ передъ читателями странную несподомость г. Буслаева о трудахъ товарища по наукѣ, не могу не выразить здѣсь моего удивленія тому, что г. Буслаевъ повторилъ въ своей рецензій большую часть того, что сказалъ я о несообразностяхъ теоріи еровъ г. Павскаго, распространивъ только мои выводы или выразивъ ихъ *своими словами*; при чемъ, замѣчу, порядокъ или *систематическое* ихъ мѣсто въ цѣломъ моего труда, разумѣется, измѣнены. Приведу, для сличенія, въ сокращеніи нѣсколько строкъ изъ моей книги и нѣкоторыя мѣста изъ статьи г. Буслаева.

Въ статьѣ г. Буслаева, стр. 64, 65—67.

....Въ этомъ странномъ правилѣ читателя останавливаются слѣдующіе пункты: развѣ правописаніе составлялось независимо отъ произношенія? etc.... (*) При томъ точность науки требуетъ, чтобы приводимый выговоръ былъ основанъ на историческихъ свидѣтельствахъ [XII—XIII—XIV стол.].... За тѣмъ авторъ приводить формы: корабль, журавль. Наука ихъ не допускаетъ по самой простой причинѣ: имъ не должно быть мѣста въ наукѣ, потому, что ихъ никогда не было въ языкѣ.... (стр. 64—65).... Откуда же взялъ авторъ эти формы? Такъ какъ онъ основываетъ на нихъ всю систему звуковъ, то, вѣроятно, взялъ изъ лучшихъ, древнѣйшихъ рукописей? Этого требуетъ наука, этого ожидаетъ читатель.... и что же? Всѣ эти столкновенія.... игра ума!.... (Слѣдуетъ повѣрка: у Сербовъ ы=а, слѣд. это—не основа формъ Павскаго: корабль). Отсюда слѣдуетъ, что учение автора о ы—лишено историческихъ оснований.

(*) Рѣшительно такъ, почтенный товарищъ: оно составлялось грамматистами всѣхъ языковъ зависимо отъ словоизводства и только наши грамматики, которымъ вы напрасно вѣрите на букву, открывая на стр. 69 въ имѣть, по вѣдѣ законы количества и ударенія—составляли свое правописаніе зависимо отъ своего произношенія.

Читатель, сличивъ цѣликомъ въ моей кни-
гѣ и статьѣ г. Буслаева мѣста, приведенныея
здесь въ сокращеніи, увидитъ, что кромѣ од-
ного выраженія—эти мѣста рѣтительно не-
похожи одно на другое изложеніемъ, словами,
хоть въ сущности тамъ и здѣсь—одно и то-
же. Въ самомъ дѣлѣ, у меня просто сказа-
но, что филологическая выдумки г. Павского
забавны для здраваго смысла, что все основа-
нія ихъ выдуманы самимъ же филологомъ.
Г. Буслаевъ говоритъ не такъ просто: нѣтъ,
онъ ведеть дѣло съ высока; для признанія или
отверженія формы: корабль, по его мнѣнію, мало здраваго смысла, который не мо-
жетъ выговорить слова и потому только
считаетъ написанное шуткою; нѣтъ,—ему
нужна для того наука; эта наука не вѣрить
на слово, сомнѣвается только въ бытіи ѿ
(слѣд. готова, чего доброго, и признать еще
ихъ?), идетъ въ историческую храмину, бе-
реть оттуда фоліанты и не нашедши тамъ
того, чего здравый смыслъ давно уже не о-
жидалъ—торжественно приговариваетъ: эта-
го никоїда не было.... Но я спрошу: почему?
Наука г. Буслаева должна отвѣтить: потому
что оно не есть въ рукописяхъ; ежели же
я еще спрошу: во всѣхъ-ли или же въ ру-
кописяхъ до нынѣ только известныхъ?...
Наука г. Буслаева неизбѣжно должна при-
знать послѣднее и потому допустить, что ѿ
еще можетъ быть.... Вотъ что значитъ на-
ука, которая рѣшаетъ вопросы безъ логики,
съ помошью единой исторіи!... Новое доказа-
тельство того, до чего доводить ученаго,
проходящаго безъ внимательности мимо тѣхъ,
которые трудились прежде надъ извѣстнымъ
вопросомъ, желаніе: высказать сказанное уже
прежде такъ, какъ будто это было сказано
въ первый разъ....

Что же заключить изъ всего этого?.. Я не
знаю... убѣжденъ только, что остановиться
на заключеніи, неблагопріятномъ по отноше-
нію къ дѣятельности товарища по наукѣ,—
хотя бы это заключеніе и основывалось на
точныхъ данныхъ—было бы несправедливо.

Отстранивъ отъ себя и Дорна голословную
напраслину г. Павского и нападки г. Бусла-
ева, высказываю здѣсь откровенное мое убѣждѣніе въ томъ, что послѣдня я никакъ не
считаю показателями направленія ученой дѣ-
ятельности г. Буслаева. Напротивъ того,—я
увѣренъ, что эти нападки—явленія совершен-
но чуждыя настоящимъ идеямъ г. Буслаева,
что они вкрались въ его рецензію случайно,
или быть можетъ, отъ какого нибудь субъек-
тивнаго увлеченія, и поставляю ихъ въ вину
не столько г. Буслаеву, сколько редактору
его статьи, который, кажется, долженъ бы
быть замѣтить промахи автора и его проти-
ворѣчія самому себѣ, если только редакторъ
самъ не находился подъ вліяніемъ этого субъ-
ективнаго увлеченія....

Моя откровенная увѣренность въ томъ,
что нападки г. Буслаева на меня и Дорна
были случайною опискою его пера—къ удовољ-
ствію моему вполнѣ оправдалась при чтеніи
второй его статьи („Отеч. Записки“ май).
Эта статья представляетъ совершенную про-
тивоположность какъ съ первою статьею г. Буслаева, такъ и со всѣми прежними его фи-
лологическими трудами. Прежде г. Буслаевъ
слѣдо вѣрилъ въ Санскритъ и Ульфилю (*)—
которые для русскаго языка были у него ча-
сто настоящими Прокрустовыми ложемъ—теперь онъ утверждаетъ, что „не сравнитель-
ное начало составляетъ сущность науки о
языкѣ, а сравнительно-историческое“ (стр.
23); въ первой своей статьѣ г. Буслаевъ: 1)
поставляетъ Павскому въ вину пренебреженіе
гласными или, лучше сказать, сродствомъ на-
шего вокализма съ подѣятіемъ гласныхъ въ
Санскритѣ и подробно излагаетъ свойства
санскритскихъ гуны и вриодди въ примѣненіи
къ языку русскому; 2) въ большей части сво-
ихъ мѣній постоянно ссылается то на наши
диалекты народные, то на старинные памят-
ники русской письменности; во второй же

(*) См. О вліяніи христіанства на слав. языкъ г.
Ф. Буслаева.

статьѣ своей (стр. 24) онъ говоритьъ „Какъ „выисывать санскритскія или готскія слова въ русскую грамматику—не значитъ еще „держаться сравнительной методы, такъ и „приводить слова изъ древнихъ памятниковъ „и областныхъ нарѣчий—недостаточно для „того, чтобы дать грамматикѣ-историческую „основу.“ (*) Минѣ отрадно было увидѣть, что мысль моя о *безготчетности* понятій: *сродство* и *обособленіе языковъ* (**), отъ разъясненія которыхъ зависитъ *уясненіе* двухъ главныхъ элементовъ филологии: *сравнительнаго*, опирающагося на *сходство* (аналогію) языковъ и *исторического*—основывающагося на *разности* ихъ—не осталась *одинокимъ мнѣніемъ*... Пріятно было видѣть также и то, что г. Буслаевъ въ первой статьѣ своей одобрилъ, повидимому, *лингвистической* методъ Навскаго, не коснувшись никакъ идей его о языкахъ, какъ корня всѣхъ несобразностей его сочиненія, не разоблачивъ *живой сущности* тѣхъ у г. Навскаго (которой критикъ все таки признавалъ иѣчто реальное, звуковое), во второй статьѣ (стр. 26) сознался: 1) что „сама буква ъ, въ теории автора, есть *неизвестная величина*, чѣмъ „существенный недостатокъ въ „Филологическихъ наблюденіяхъ“ оказывается по прец „мнѣшту на придыхательной теоріи ъ и ѿ.“ „Что авторъ основываетъ все свое ученіе „не на звукахъ, а на буквахъ ъ и ѿ“ (*ibid*)... 2) призналъ методъ г. Навскаго принадлежащимъ къ категоріи *механическаго* способа составленія языковъ. Въ томъ и другомъ миѣни я вижу совершенное согласіе г. Буслаева съ тѣмъ, что я сказалъ о сочиненіи г. Навскаго въ 1-й моей книгѣ, разобравъ основу всѣхъ его построений: *атомистическую* идею языка и доказавъ подробнѣмъ разборомъ его уч-

вія о ъ-ѣ, что это—*буквы*, а не звуки, которые не заключаютъ въ себѣ ничего опредѣленного, совмѣщающая въ себѣ все и ничего (=начало *тилизма*).—

Да не подумаетъ г. Буслаевъ, что этими указаніями я хочу намекнуть и здѣсь на заимствованіе: по истинѣ—я далекъ отъ такой мысли. Для меня гораздо лучше и *выгоднѣе* думать, что ко всѣмъ этимъ убѣждѣніямъ г. Буслаевъ пришелъ свободно, своимъ собственнымъ путемъ: значитъ,—мои соображенія о филологическомъ ученіи, выведенныя изъ другаго начала и другимъ путемъ, въ результатахъ приводятъ къ тому же, въ чемъ теперь черезъ 8 лѣтъ по изданію первого своего труда (*) убѣдился наконецъ и г. Буслаевъ.

Противорѣчій второй статьи г. Буслаева, какъ съ первою, такъ и со всѣми прежними его трудами ни одинъ читатель, я увѣренъ, не сочтетъ укоризною; напротивъ того, это неизбѣжная логическая ступень *перехода*, скрывающая въ себѣ несомнѣнныи признакъ прогресса, дальнѣйшаго движенія филологическихъ идей..... Будемъ же радоваться такимъ явленіямъ въ нації, еще весьма новой цюпой, филологической наукѣ; пожалѣемъ только о вредномъ вліяніи *журнализма* на судьбы отечественной науки, которая, конечно, не можетъ обойтись безъ *системъ*, если хотите, даже безъ *школъ*, но и въ какомъ случаѣ не должна бы терпѣть *партий непотизма* (*) и *протекціонизма*..... Пусть все это остается себѣ до поры до времени въ нашей бѣдной текущей *литтературѣ*, но да не роняетъ оно достоинства науки и ея тружениковъ, въ глаѣ которыхъ—какъ испоконъ ученаго вѣка известно—голосъ журнальныхъ *протекціони-*

(*) См. еще болѣе подробнѣе выраженіе той же мысли на стр. 31, 34—36, 38 и др.

(**) Развитая при разборѣ сочиненія г. Каткова: „объ элементахъ и формахъ слов.-русскаго языка“ въ (1 кн. 1848. стр. 79—82).

(*) О преподаваніи Отчест. языка, Ф. Буслаева, М. 1844.

(*) Отношеній и связей *родства* (разумѣется, книжнаго, ученаго) или соучастничества и сотрудничества журнального.

стовѣ былъ всегда крикомъ толпы, изчезавшими безследно въ воздухѣ, но не словомъ истины и правды, которое рано-ли, поздно-ли, но справедливо разсудитъ какъ ученаго, такъ и самую науку.....

Професоръ харьковскаго университета Костырь.

ЗВѢЛѢЧЕНИЕ ИЗЪ ОТЧЕТА

о состояніи

ИМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

за 1851—1852 академический годъ.

Занятія преподавателей.

Занятія преподавателей, кроме чтенія лекцій, входившихъ въ кругъ университетскаго курса, состояли въ чтеніи публичныхъ лекцій, ученыхъ экспедиціяхъ и учено-литературныхъ трудахъ.

A. Чтеніе публичныхъ лекцій.

Публичные лекціи читаны были: 1-е) орд. проф. Соколовымъ, по предмету Прикладной Механики; 2-е) экстр. орд. проф. Ходневымъ, по предмету Технической Химіи, и 3-е) ад. Коссовымъ, по предмету Технологіи. Лекціи эти были читаны, съ октября мѣсяца до апреля, каждымъ преподавателемъ по 2 раза въ недѣлю.

B. Ученые Экспедиціи.

Назначенная въ 1847 г., съ разрешенія г. министра народнаго просвѣщенія, ученая экспедиція изъ гг. преподавателей: Шидлов-

скаго, Борислка, Чернилова и Черная, для определенія географическаго положенія Харьковской и смежныхъ съ нею губерній, и подробнаго изслѣдованія оныхъ, въ отношеніи къ Минералогіи, Геогнозіи и Зоологіи, окончила свои изслѣдованія въ 1850 г., какъ было упомянуто въ отчетѣ за 18⁴⁹/₅₀ академіческій годъ. Изъ нихъ, въ 18⁵¹/₅₂ акад. году, Чернай представилъ: а) 4 статью: Nachtrag zu meinen Beobachtungen in Bezug auf die Fauna des Charkowschen und der anliegenden Gouvernements, какъ прибавленіе къ статьямъ, напечатаннымъ имъ въ 1850 г. и б) первый выпускъ Фауны Харьковской губерніи и прилежащихъ къ ней мѣстъ, для напечатанія, согласно проекту ученой экспедиціи, на счетъ суммъ университета.—Шидловскій представилъ второй и послѣдній отдѣлъ отчета «Способъ вычислений и выведенныя результаты».—Въ послѣдствіи онъ, Шидловскій, намѣренъ присовокупить къ этому отдѣлу еще прибавленіе, которое будетъ содержать вѣроятнѣйшия результаты географическаго положенія опредѣленныхъ имъ мѣстъ, равно какъ и изслѣдованіе точности самыхъ опредѣленій.—Ад. Борислкъ представилъ отчетъ о совершенной имъ ученой экспедиціи.

Въ истекшемъ 1851 году, въ вакационное время, экстра-орд. проф. Костырь совершилъ поездку въ Киевъ и Переяславъ.—Занятія его состояли: 1-е) въ изслѣдованіи текста переяславскаго южно-русскаго Евангелія 1556 года и другихъ старинныхъ церковныхъ рукописей, открытыхъ имъ въ Переяславѣ; 2-е) въ изслѣдованіи старинныхъ рукописей, хранящихся въ библиотекѣ Кіево-Золотоверхо-Михайловскаго монастыря, и 3-е) въ нѣкоторыхъ археологическихъ или антикварныхъ поискахъ.

1. Занятія въ Переяславѣ. Большая часть времени, прожитаго имъ въ этомъ городѣ, посвящена была изслѣдованіямъ текста Евангелія, писанного въ 1556 году, которое открыто было ученому міру профессоромъ московскаго университета, Бодянскимъ, въ 1837

г. Это Евангелие—въ большой листъ, длиною $\frac{1}{2}$ аршина, на пергаминѣ, писано крупнымъ стариннымъ церковнославянскимъ почеркомъ («уставомъ») въ Пересопницѣ (Волынскай губерніи, Ровенскаго уѣзда), при монастырѣ Жеславскомъ. Переписчикъ называетъ себя «многогрьшнимъ Михаиломъ Васильевичемъ сыномъ Протопопы Саноцкаго» (Санокъ-городъ въ Галиции); въ даръ монастырю Переяславскому принесено это Евангелие, какъ изъ надписи въ началѣ его видно, *гетманомъ Мазепою* въ 1701 году.—По изслѣдованиіи текста Евангелия, проф. Костырь, находить: а) что оно переведено было виѣ Южной Руси и вѣроятнѣе всего—въ Галиції; б) исправлено въ иѣкоторыхъ мѣстахъ примѣнительно къ народному украинскому нарѣчію или, лучше сказать, подвергнуто новой редакціи въ Украинѣ; в) имѣло цѣлую сдѣлать общедоступнымъ этотъ важнѣйшій въ быту православныхъ кодексъ—что въ Великой Руси выполнено только въ *теперешнемъ* вѣкѣ Библейскимъ Обществомъ, переведшимъ Новый Завѣтъ на великорусское общеупотребительное теперь нарѣчие; г) существовало послужить къ сближенію съ православною церковию Галичанъ-католиковъ, какъ видно, желавшихъ читать Слово Божіе на родномъ языке: фактъ, проливающій новый светъ на Унію, которая, замѣчая стремленіе Южноруссъ-католиковъ сблизиться съ Южно-Руссами-православными, чрезъ употребленіе Евангелия на родномъ нарѣчіи, дала этому стремленію обратное направленіе, увлекши православныхъ къ слянію съ латино-западною церковію. Предисловіе описанного подъ № 7 Нового Завѣта 1581 г. вполнѣ подтверждаетъ эти догадки.

Не ограничиваясь этими изслѣдованіями, проф. Костырь искаѣтъ въ Переяславѣ другихъ памятниковъ письменности церковно-славянской и нашелъ два весьма примѣчательные кодексы: 1.) Евангелие на церковно-славянскомъ языке, писанное на бумагѣ, уставомъ, въ 4⁰, въ Южной Руси и принадлежавшее церкви

Богоматери въ Теребинѣ (Пинскаго уѣзда): по сличеніи текста съ древнѣйшимъ у насъ кодексомъ *Остроміровымъ* (1056 г.), онъ нашелъ, что правописаніе и формы языка весьма близки къ тексту послѣдняго, хотя значительныя уклоненія по мѣстамъ и слѣды сербизмовъ (напр. царь вмѣсто царя, пять вмѣсто пѣти=пѣтихъ) заставляютъ его думать, что это Евангелие есть одна изъ особыхъ редакцій кирилловскаго Евангелия и именно *сербо-русская* (*) (т. е. исправленная въ Южной Руси, хотя имѣвшая въ основаніи своею сербскій кодексъ), что весьма важно, ибо Остромірово Евангелие XI-го вѣка есть болгаро-русская редакція Кирилловицы (куриловицы); 2.) Церковный уставъ или «Око», писанный въ листъ, на лощеной бумагѣ, въ Переяславѣ, въ 1604 году; этотъ списокъ—не смотря на 1604 годъ—носитъ на себѣ признаки древности подлинника, какъ по языку, такъ и потому, что въ молитвахъ поминаются «богохранимыя князи» и «благочестивый великий князь»: это несобразно съ 1604 годомъ, когда на Руси въ Москве былъ царь, а въ Южной Руси не было ни князя, ни царя. Примѣчательна эта книга еще и по припискѣ дарствователя, сдѣланной въ 1634 году, гдѣ сказано: «за панована великаго государя нашего Владислава IV, и за державы (т. е. намѣстника короля въ Переяславѣ) пана Лукаша Жолковскаго, Калужскаго, Хмельницкаго и Переяславскаго старости».

2. Запятія въ библиотекѣ Михайлова монастыря въ Кіевѣ. Онъ нашелъ здѣсь въ чрезвычайномъ обилии памятники церковно-славянской письменности не только XVI (преимущественно изслѣдуемаго имъ), но и XV вѣковъ. Вотъ краткій перечень ихъ:

1.) Евангелие 1525 года, (*in f°, уставомъ*) описанное уже *Востоковыми*. оно близко по

(*) По зраку прозрачному въ листахъ бумаги: *дикому кабану*, полагаетъ, что Евангелие писано въ промежуткѣ времени между 1500—1550 г.

тексту къ найденному въ [Переяславъ тере-
бенскому].

2.) Евангелие начала XVI вѣка (въ малую четвертку, полууставное), еще непрестное унасть; по тексту оно близко къ первымъ двумъ, но примѣчательно по особенностямъ орѳографии и грамматическихъ окончаний, указывающимъ на особую редакцію теребенского текста.

3.) Скитской патерикъ—по бумагѣ и почерку того же (XVI) вѣка, но по тексту въ подлиннику—XV вѣка: примѣчательнѣ чистотою и легкостію церковнаго языка, составлявшему рѣдкость даже въ XVI вѣкѣ и началь XVII.

4.) Требникъ—in 4°, писанъ на бумагѣ, въ началѣ XVI вѣка; примѣчательнѣ по языку, сохранившему нѣкоторые остатки старины (напр. порода, греч. paradeisos=рай; древа пыщнаго=сѣднаго; оба слова встрѣчаются еще у Кирилла Тур., XII вѣка etc.) и нѣкоторымъ уже не употребительнымъ формамъ обрядового чина, напр. употребление, при вѣнчаніи обрядѣ, перстней золотаго и жестнаго, пріобиженія Святыхъ Тайнъ—вмѣсто пятія вина изъ чашечки новобрачными и проч.; въ молитвахъ поминается «великій князь». Въ осцовѣ требника, какъ видно по языку и правописанію, была сербская редакція.

5.) Уставъ церковный, на бумагѣ, in 4°, спи-
саный съ подлинника покрайней мѣрѣ XV
вѣка, ибо здѣсь упоминаются подъ 14 апрѣ-
ля «новоизвѣленные мученики» Антоній, Іоаннъ,
«Евстафій, пострадавшіе отъ Олерда нече-
стиваго в. князя литовскаго (1345—1377).
Этотъ кодексъ еще неизвѣстенъ у насъ.

6.) 2-я часть словъ Исаака Сирвна, на
пергаминѣ, въ 12°—замѣчательная по давно-
сти перевода, съ трудомъ ионимаемаго уже
читающими церковный книга.

7.) Новый Завѣтъ, церевеленныї съ поль-
скаго на славено-польско-русскій языкъ въ
1851 году «Валентіемъ Некрасовскимъ съ Хо-
рошева за памовою и запоминаніемъ мно-

«гихъ ученыхъ и богоубойныхъ людей». Это самый примѣчательный между рукописями Михайловскаго монастыря памятникъ, сообщеніемъ извѣстности которому яъ нашелъ ученомъ мірѣ можетъ быть пролить свѣтъ на исторію нашей церкви въ Южной Руси, въ периодъ, предшествовавшій Унії. Догадки о мѣстномъ значеніи переславскаго Евангелия подтверждаются Киево-Михайловскимъ южно-руссскимъ кодексомъ Нового Завѣта. Изъ предисловія видно, что у насъ было нѣсколько редакцій, даже переводовъ Нового Завѣта на южно-русскій языкъ, можетъ быть еще ранѣе XVI вѣка: обѣ—переславская и к.—михайловская—свидѣтельствуютъ о глубокой учености духовныхъ дѣйствовавшихъ въ Южной Руси во благо церкви православной.

Всѣ эти рукописи разсмотрѣны ямъ, Ко-
стѣремъ, въ возможной подробности; сдѣланы
необходимыя взвѣшенія для образца я-
зыка и правописанія каждой. Издание под-
робнаго описанія памятниковъ замедляется
недостаткомъ старопечатнаго церковно-сла-
вянскаго шрифта и преимущественно юсовъ
и юсированныхъ я и е, которыя необходимы
для выраженія особенностей орѳографіи раз-
смотрѣнныхъ памятниковъ.

СТИХОТВОРЕНІЕ, ПАНСІОНСКІЯ ТАЙНИ.

Скучно съ пансіонской клѣткой

Вѣкъ не разstanавъся,

И съ подругою-сосѣдкой—

Съ неї лишъ толковаться!

За противно скамьею

Все сидишъ съ тетрадкой.

И на Божій свѣтъ порою

Взглядешъ лишъ украдкой.

На умъ—мундиръ красивый,
Фракъ, улыбка, взгляды,
А въ устахъ—моря, заливы,
Битвы да осады!
Молодая грудь глубоко,
Сладостно вздыхаетъ,
Въ край невѣдомый, далеко
Дума улетаетъ....
Что же? Выкупаютъ слезы
Наслажденіе это,
Какъ учителя вопросы
Будутъ безъ отвѣта!
Молодъ онъ—съ нимъ сладить можно,
Если жъ старъ—такъ плохо:
Старость насть, признаться должно,
Держитъ слишкомъ строго.
Дама классная лѣтъ въ сорокъ—
Просто, наказанье:
Съ ней ни просьбы, ни отговорокъ,—
Вѣчное ворчанье!
Но у нихъ въ долгу, призпаться,
Мы не остаемся:
Стоитъ только намъ привяться—
Мигомъ разочтемся!
Обмануть надзоръ старушки,
Шутку съ ней состроить,
Подтрунить—ли—ни полуушки
Это намъ не стоитъ!
Мы учителя фигуру
Всю представить можемъ,
Начертимъ каррикатуру,
Имачко приложимъ;
Глядя въ книжку иль съ суплеромъ
Ловко отвѣчаемъ,
И гримасы обнимъ хоромъ
Подъ носъ отпускаемъ.
Если же нашъ monsieur тяжелый
Предался съ экстазомъ
Про Татаръ иль про глаголы
Выспревшимъ разказамъ—
Мы романъ передъ собою
Кипой книгъ обложимъ,
И спокойно, всей душою,
Имъ увлечься можемъ.—

—
Только въ праздникъ отдыхаемъ
(Да и то не въ каждый!):
Тутъ хоть каплей утоляемъ
Пламя тайной жажды.
Утромъ насть ведутъ къ обѣлни;
Здѣсь, въ порялкѣ, чинно,
Станемъ въ уголъ мы передний

И стоимъ невинно....

Вечеръ праздника мы рапо
Начинать хлопочемъ,
И подъ звуки фортепиано
Прыгаемъ, хохочемъ.
Танцы—рай нашъ! Въ танцахъ только
Вольшія мы птицы!
Вы—лучь свѣта, вальсъ и полька,
Въ мглѣ нашей темницы!
Пишу, сонъ забудешь съ вами!...
(Молвить стороною,
Намъ работать бы ногами,
А не головою!)...
Только все съ своей сестрою
По парку летаешь,
Тщетно жаркою рукою
Руку пожимаешь....

—
Дѣти—вотъ названье наше!
Намъ—де—куклы миль!
Какъ же! Машъ, Сашъ, Дашъ
Ужъ осьмнадцать билъ!
Промелькнетъ мужчина часомъ—
Намъ поклонъ холодный,
Обозрить суровымъ глазомъ—
И пропаль, негодный!
Но мы знаемъ ту суровость:
Это, просто,—маски!
Не одной изъ насть не новость
Изъ подъ маски—глазки!
Лучше всѣхъ наукъ здѣсь знаю
Ту, какой, къ—несчастью,
Въ пансіонахъ не читаются
Подъ смертельной казнью:
Намъ наука страсти иѣжной
Лучше всѣхъ далася;
Или, прелметомъ думы грѣшной,
Кто здѣсь не запасся!
Грусть любви мы утоляемъ
Вздохами, мечтами,
А подъ часть о’неизъ вздыхаемъ
Даже и стихами!!
Поцѣлуи по воздушной
Почтъ посылаемъ,
Заболѣбемъ, если нужно,
Чуть не умираемъ!!!
Наши книжки и тетрадки
Полны сувенировъ,
Тамъ невинныхъ все взятки

Съ фраковъ и мундировъ:
Тамъ бумажки—милый почеркъ—
Иль клочекъ фланели,
Иль перчатки, иль кусочекъ
Мѣха изъ шинели;
Тамъ цвѣтовъ сухихъ собранье,
Ленточки, картинки—
Нѣжной дружбы и гуашья,
И всего поминки.

—
Дружба—идоль жизни нашей!
Ахъ, мы ей лишь дышимъ!
Для нея—и съ милымъ даже
Мы разрывъ подпищемъ!
Мы предметъ любви горячей
Дѣлимъ межъ друзьями,
Изъ мыслимъ—съ придачей
Скляночки съ духами.
Зашумятъ по пансіону
О продѣлкѣ скрытой—
Къмъ наѣлано трезвону?...
Дружбой знаменитой!
Въ томъ никакъ нѣть измѣны:
Всѣ друзья межъ нами,
Откровенность же—священный
Долгъ между друзьями.—

—
Копчivъ танцы, тары—бары
И антоньевъ ужинъ,
Мы уходимъ въ лортуары:
Ужъ покой намъ нуженъ,
А покой тотъ ожидаетъ
Наэъ въ занятыхъ разныхъ;
Сонъ, немедля, валестасть
Лишь на первоклассныхъ;
Второклассныя дѣвицы

Прежде помечтаютъ,
А потомъ уже рѣсицы
Тихо закрываются;
Третій классъ—у нихъ, порою,
Какъ заря ужъ вспыхнетъ
Подъ безсонной головою
Шумъ подушки стихнетъ;
Долго бродить тайный шопотъ,
Долго, полный гнѣву,
Сынченъ классной ламы ропотъ:
„Still! Silence! Dormez-vous!“
Прежде, чѣмъ слетитъ въ снахъ свѣтыни
Къ нимъ на изголовье
То, что вѣявъ, пока, для бѣдныхъ
Чуть не баснословье.
Часто въ часъ, когда полуушки
Всѣ ужъ присмирѣли,
Сядутъ двѣ иль три полужки
На одной постели;
Въ мертвой тишинѣ, при блѣдномъ
Почника мерцаньѣ,
О таинственномъ, завѣтномъ
Поведутъ сказанье...
Вотъ, когдаѣ вамъ прочитали
Тѣхъ тайнъ хоть страничку—
Зналиѣ вы, что дѣтиамъ дали
Не по шерсти кличку!
Что премудрая природа
Опять обгоняетъ,

• • • • •
• • • • •
Кончать—время не пришло ли?
Я уже устала,
Хоть всѣхъ тайнъ и сотой доли
Вамъ не рассказала!..

Ось.

Харьковъ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

1) Продается малоизжженный тарантасъ и двое козырьковъ московской работы; спросить въ домѣ Дудукалоой, за Харьковскимъ мостомъ, возлѣ дома Сонцова.—1.

1) Продается дворовое мѣсто съ постройкой, на немъ домъ деревянный о 4-хъ комнатахъ, амбаръ рубленнаго дерева, ледникъ, все это крыто околотомъ дл. 13, шир. 12 3-хъ арш. сажень, состоящее г. Харькова 1-й части 3-го квартала, въ предмѣстіи Москалевкѣ подъ № 1617, близъ дома мѣщанина Кочетова. О цѣнѣ узнать отъ чиновника харьк. губернскаго правленія Ивана Ларіонова или отъ самаго владельца дома, письмоводителя вальковской градской полиціи, чиновника Владимира Веселовскаго.—2.

2) Піанистъ Генрихъ Сакмейеръ, прибывъ въ г. Харьковъ, покорнѣйше просить имѣющіхъ надобность въ преподавателѣ уроковъ музыки, адресоваться къ нему-за Харьковскимъ мостомъ, въ домѣ Байкова, во 2-мъ этажѣ.—2.

3) За Лопанью, противъ церкви Рождества, продаются два дворовыхъ мѣста, съ домами и принадлежащими къ нимъ службами, надворной совѣтницы Зимницкой; о цѣнѣ спросить у хозяйки дома.—2.

ВѢДОМОСТЬ

о приезжающихъ и выезжающихъ.

отъ 28 сентября по 3 октября прибыли:

Изъ г. Чугуева, полк. Тимошенко; г. Лебедина, кол. асс. Святченковъ; г. Елисаветграда, полк. Васильевъ; г. Чугуева, полк. Зегелевъ и Штерерь; г. Грайворона, кол. асс. Гоббато; Москвы, лѣйт. ст. сов. Войцеховичъ; г. Новочеркаска, от. полк. Киншинскій; г. Чугуева, кол. асс. Алексеевъ; г. Валокъ, от. маіоръ баронъ Будбергъ; г. Бѣлогорода, маіоръ Риттеръ; г. Полтавы, кол. сов. Мамичъ; г. Валуекъ, от. маіоръ Градовскій; сл. Суковки, от. подполк. Квитка; г. Ахтырки, кол. асс. Антоновъ; л. Артемовки, надв. сов. Шмидть; С.-Петербургъ, стат. сов. Соколовъ; г. Бахмута, от. полк. Зарудный; сл. Ершовки, от. полк. Барацковъ,

ВѢХАЛИ.

Въ сл. Ольшану, предв. двор. Ковалевскій; г. Новочеркаскъ, от. подполк. Грековъ; г. Купянскъ, кол. асс. Каатаевъ; г. Чугуевъ, полк. Тимковскій; г. Воронежъ, полк.: графъ Канкрицъ и графъ Крейцъ; г. Валки, предв. двор. Кирьяковъ; г. Богодуховъ, стат. сов. Адамовичъ; г. Старобѣльскъ, предв. двор. Струковъ; г. Волчансъ, от. маіоръ Богдановичъ; г. Курскъ, ген.-маіоръ Ставицкій; г. Чугуевъ, ген.-маіоръ Комсинъ и полк.: Колобовъ и Тимашевъ; г. Ахтырку, полк. Эрнессъ; г. Купянскъ, кол. асс. Яблонскій; сл. Ивановку, полк. Мениковъ; сел. Тростенецъ, предв. двор. князь Голицынъ; г. Бѣлогороль, маіоръ Маркеловъ; г. Чугуевъ, стат. сов. Скалонъ.

Цеч. дозвол. 4 октября 1852 г. Цензоръ Н. Костыръ.